

Но и среди таких понятий, связанных с традиционными элементами в применении концепции “общего блага”, в теории “Наказа” очевидна четкая политическая направленность всех идеологических построений, когда в их завершающем звене снова подчеркивалась мысль о возможности достижения основной цели существования верховной власти только при полном подчинении ей подданных (ст. 1).

Знание существующего в стране положения дел, произвола чиновничества в центре и на местах давало возможность Павлу обратиться к законодательству России. В традициях политики просвещенного абсолютизма он предлагал провести кодификацию: не принимая новых законов, согласовать уже действующие с реальностью, снимая противоречия. В свод он предлагал включить только основные законы, регулирующие различные стороны государственной жизни в целом (ст. 4). Наблюдение за исполнением законов и правильным их применением на практике возлагалось на Сенат и судебные учреждения на местах, наделенные прокурорскими функциями (ст. 5). За исполнением законов отдельными подданными должна наблюдать городская и земская полиция (ст. 24, 25). Хотя цесаревич не пишет подробно об их функциях, но исходя из его отношения к принципам управления и широкой трактовки обязанностей полиции в произведениях немецких полицейстов (главным образом И.Г.Г. Юсти)⁶, идеи которых он активно использовал, можно предположить, что полномочия этих органов должны быть достаточно широки.

Больше всего внимания в программе Павла уделено военной реформе. Русская армия, по его мнению, должна соответствовать могуществу го-

сударства и представлять собой “большую оборонительную силу, а тем паче и наступательную”. Главной задачей цесаревич считал создание сильной армии, хорошо обученной, снабженной всем необходимым, дисциплинированной и готовой в любую минуту к действиям (ст. 29, 31, 32).

В области внешней политики в соответствии со сложившейся к тому времени геополитической обстановкой в Европе Павел предлагал, во-первых, обеспечение безопасности границ России; во-вторых, принцип оборонной самодостаточности государства; в-третьих, принцип вооруженного нейтралитета; в-четвертых, сохранение и поддержание в Европе status quo, вплоть до вооруженного вмешательства при угрозе его нарушения (ст. 26–30)⁷.

Другие названные документы программного характера лишь дополняют и развивают идеи и отдельные положения “Наказа”. Их сравнение со статьями последнего позволяет говорить о наличии у цесаревича определенных политических убеждений и представлений о нуждах Российской империи и средствах к улучшению ее состояния.

Анализ произведений Павла Петровича убеждает в наличии у него при вступлении на престол определенной политической программы, отличающейся логической стройностью, последовательностью и взаимозависимостью. Его программа представляет собой своеобразный синтез идей умеренного французского просвещения и теорий немецких полицейстов, приспособленных к современной российской действительности, в духе политики просвещенного абсолютизма, который был характерен для русской политической мысли второй половины XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Павел Петрович. Наказ Марии Федоровне об управлении государством на случай его смерти // Вест. Европы. 1867. № 3. С. 316–322. (В дальнейшем в скобках будут указаны только номера статей.)
- ² См.: *Монтескье Ш.Л.* О духе законов // Монтескье Ш.Л. Избр. произв. М., 1955. С. 165–166.
- ³ Ср.: *Вильфельд Я.Ф.* Наставления политические / Пер. с фр. Ф. Шаховского. М., 1768. Ч. 1. С. 264.
- ⁴ См., например: *Павел Петрович.* Записка об устройстве разных частей государственного управления // Сб. РИО. 1894. Т. 90. С. 2–4; *Он же.* Рассуждение 28 марта 1783 г. // РГАДА. Ф. 1. Оп. 1/2. № 57. Л. 1–4 об.

- ⁵ См.: *Зонненфельс И.* Начальные основания полиции или благочиния / Пер. с нем. М. Гаврилова. М., 1787. С. 24.
- ⁶ См., например: *Юсти И.Г.Г.* Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния / Пер. с нем. И. Богаевского. СПб., 1772–1778. Ч. 1–4.
- ⁷ См. также: *Павел Петрович.* Рассуждение о государстве вообще и о количестве войск потребных для его обороны // РС. 1882. Т. 33. С. 739–740; *Он же.* Собственноручное рассуждение о защите границ // РС. 1874. Т. 10. С. 60–61.

В.Э. Вацуро

ПУШКИН И ДЕНИС ДАВЫДОВ В 1818–1819 гг.

1

Среди начатых и оставленных стихотворных набросков Пушкина есть один, состоящий из двух строк и зачеркнутого начала третьей:

Красноречивый забияка,
Повеса, пламенный поэт
[Ужель]

Автограф этого наброска находится в так называемой Лицейской тетради Пушкина (ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 829. Л. 69) на полях черновиков I песни “Руслана и Людмилы”, наброска “За старые грехи наказанный судьбой” и начальных строк “Элегии” (“Воспомянем упоенный...”). Он датируется в Академическом из-

дании 1819 г., предположительно не позднее ноября; в "Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина" (2-е изд.) — январем—ноябрем 1819 г.¹

Уже в последнее время С.А. Фомичев высказал предположение, что запись могла быть сделана и позднее, при возвращении к Лицейской тетради в 1821 г., и, возможно, представляет собой первоначальный набросок послания к Денису Давыдову "Певец-гусар, ты пел биваки" (в работе С.А. Фомичева дана отличная от ныне принятой реконструкция этого текста)². Данное предположение, на наш взгляд, требует еще дополнительной аргументации; что же касается самого наброска — насколько можно судить о нем по трем неполным строкам, — то он не вполне согласуется с поэтической логикой послания 1821 г.: в нем содержится некая противительная или уступительная интонация, отражающая, по-видимому, какое-то событие, неожиданное для адресата с репутацией "забияки" и "повесы". Никаких намеков на это в послании 1821 г. нет.

Имя Дениса Давыдова как адресата данных стихов было впервые названо В.Н. Орловым в его издании стихотворений Давыдова 1933 г.³ Почти одновременно к такому же выводу пришел и М.А. Цявловский⁴. Определение адресата основывалось на ряде поэтических формул, восходящих к стихам Давыдова и о Давыдове, как напечатанных, так и рукописных, известных Пушкину в списках еще в лицейские годы. Одно из них — "Болтун красноречивый..." — послание Давыдова к Ф. Толстому (1815 г.; в первой публикации — "Другу повесе") начинается обращением:

Болтун красноречивый,
Повеса дорогой...

Эти стихи лицеист Пушкин варьировал в "Послании к Г<алич>у" 1815 г.⁵ Заметим, кстати, что обращение к ним в 1821 г., в период резкого отталкивания Пушкина от всего, что связано с личностью и именем "американца" Толстого, психологически гораздо менее вероятно, нежели в 1819 г.

"Забияка" приходит из знаменитого послания Давыдова к Бурцову:

Бурцов, ера, забияка,
Собутыльник дорогой...⁶

"Пламенный поэт" — из обращенных к Давыдову строк "Певца во стане русских воинов" Жуковского:

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы⁷.

Еще в лицее Пушкин испытывает увлечение как стихами, так и самой личностью Давыдова, и тогда же ему становятся известны какие-то эпизоды его биографии. Один из анекдотов о Давыдове он вписывает в свой ли-

цейский дневник в 1815 г. В том же году Давыдов приезжал в Петербург, мог посетить и Царское Село, но о знакомстве его с юношей Пушкиным в то время нет никаких положительных сведений⁸. Вновь Давыдов приезжал в столицу в 1816 г. и провел здесь ноябрь и декабрь⁹. 24—31 декабря — время рождественских каникул — Пушкин также провел в Петербурге и встречался с Жуковским¹⁰; удалось ли ему познакомиться с Давыдовым, неизвестно. Мы можем лишь утверждать с большой степенью вероятности, что к середине 1818 г. Давыдов имел о молодом поэте достаточно ясное представление. К июню 1818 г. относится его первое упоминание о Пушкине, которое не оставляет сомнения в том, что Давыдов знал его стихи.

В письме к Вяземскому от 2 июня 1818 г. Давыдов дал подробный разбор послания Пушкина "К Жуковскому" ("Когда к мечтательному миру...").

Это послание было с восторгом принято и Вяземским, и Жуковским. Жуковский писал Вяземскому 17 апреля 1818 г.: "Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!". Вяземский отвечал 25 апреля: «Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. "В дыму столетий"! ...Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая bestia! Надобно нам посадить его в желтый дом, — а то этот бешеный сорванец всех заест, нас и отцов наших. Знаешь ли ты, что Державин испугался бы дыма столетий? О прочих и говорить нечего»¹¹.

Вяземский послал эти стихи Давыдову как новый шедевр растущего не по дням, а по часам поэта — и получил в ответ разбор, весьма примечательный по своему благожелательному критицизму и самостоятельности литературных суждений.

Давыдов писал ему из Кременца 2 июня 1818 г.:

"Стихи Пушкина хороши, но не так, как тебе кажется, и не лучшие из его стихов. Первые четыре для меня непонятны".

Речь шла о стихах:

Когда младым воображеньем
Твой гордый гений открыл,
Тревожит лени праздный сон,
Томясь волшебным упоеньем...¹²

"Но и *быстрый холод вдохновенья* Власы *подъемлет на челе*, — продолжал Давыдов, — прекрасно! И меня мороз подрал по коже. От стиха сего до рифмы *ясный* не узнаю молодого Пушкина".

Осуждению Давыдов подверг ст. 13—28:

Ты прав: творишь ты *Для Немногих!*
Не для подкупленных судей
Ревнивой милостью твоей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов!

Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В завидный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным!

С необыкновенной интуицией критик попадает на редкие у Пушкина “вторичные” стихи – при том, что оригинал ему неизвестен. Пушкин перефразирует заключительные строки из послания Батюшкова «К творцу “Истории государства Российского”, недавно написанного и еще не напечатанного:

Пускай талант – не мой удел!
Но я для муз дышал недаром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой гений чувствовать умел¹³.

Так в стихи, адресованные Жуковскому, входит тема Батюшкова и Карамзина. В последующих строках она прямо выходит на поверхность:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет!
Он духом там – в дыму столетий!

Стихотворение Батюшкова начиналось описанием Геродота, читавшего “на играх Олимпийских” свою “Историю греко-персидских войн”, и народа, слушавшего его с напряженным вниманием. Источник данной сцены – “Эмилиевы письма” М.Н. Муравьева – был указан еще Л.Н. Майковым¹⁴, но отсылает читателя поэт не к Муравьеву, а именно к “Истории государства Российского”, где в Предисловии заново рассказан этот эпизод. “На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читавшего предания веков”¹⁵. Отсюда – и вся центральная часть послания Батюшкова:

И я так плакал в восхищенье,
Когда скрижаль твою читал
И гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленье...

Эти стихи Пушкин уже не варьирует – он прямо отправляется от них, создавая собственную картину:

Он духом там – в дыму столетий!
Пред ним волнуются толпой
Злодейства, мрачной славы дети
С сынами доблести прямой!

“В дыму столетий хорошо! – комментирует Давыдов стих, восхищавший Вяземского, – но великаны сумрака Карамзина... что скажешь? А мысль одинаковая”.

Реплика исключительная по тонкости и глубине! Давыдов словно угадывает первоисточник всего поэтического состязания. В том же Предисловии к “Истории государства Российского” мы находим этих “великанов сумрака” – Олега и Святослава¹⁶. По смелости и поэтической многозначности метафора Карамзина, конечно, превосходила пушкинскую.

“Замечание твое насчет злодейства и с сынами справедливо”, – продолжает Давыдов. Этого замечания Вяземского мы не знаем.

“Теперь от рифмы окружен и до рифмы земной я слышу Василья Львовича, напев его. Но стих *И в нем трепещет вдохновенье* прелестен! Вот мое мнение насчет этих стихов”, – заключал Давыдов свой разбор¹⁷.

Напев Василия Львовича Пушкина слышался ему в стихах:

Он бродит, тайной окружен,
И благодарными слезами
Карамзину приносит он
Живой души благодаренье
За миг восторга золотой,
За благотворное забвенье
Ничтожной суеты земной...

Стихи В.Л. Пушкина в кругу “арзамасцев” считались образцом сентиментальной вялости.

Письмо Давыдова было блестящим примером “арзамасской” дружеской критики стихов. И Пушкин прислушался к ней чрезвычайно внимательно.

Он полностью переработал раннюю редакцию. Дальнейшая история ее нас не может здесь интересовать; она отражает довольно сложные и менявшиеся со временем отношения Пушкина с Карамзиным, что было предметом специального исследования Н.Я. Эйдельмана¹⁸. Нам важно лишь одно: замечания Давыдова о поэтическом языке и стиле послания были Пушкиным учтены. Он убрал первые четыре стиха и всю вторую половину стихотворения, включая “в дыму столетий”. Он не согласился, однако, с Давыдовым в отношении стихов 13–28, цитированных нами выше: они составили центральную часть послания. Эта вторая редакция стихотворения есть уже в так называемой тетради Всеволожского, составившейся осенью 1819 г., и датируется в Академическом издании широко: маем 1818 г. – ноябрем 1819 г.¹⁹ По нашему мнению, она не могла возникнуть ранее второй половины 1818 г., когда письмо Давыдова стало известно в Петербурге. В конце же этого года в столице появляется и сам Давыдов – и личное знакомство поэтов оказывается почти неизбежным²⁰.

2

Теперь нам следует вернуться к наброску послания к Давыдову “Красноречивый забияка...”, с которого мы начали настоящий этюд.

След за Академическим изданием мы относим его к началу 1819 г., но полагаем, что он писался не ранее конца февраля. По расположению его на листе тетради очевидно, что ему предшествует незаконченное стихотворение “За старые грехи наказанный судьбой...”, относящееся ко второй половине месяца; при этом записан он через какой-то промежуток времени, другими чернилами. Итак, он создается по свежим следам предполагаемого лич-

ного общения с Денисом Давыдовым, покинувшим Петербург в начале января.

Давыдов уехал в Москву, откуда в начале февраля стали приходить известия о его сватовстве и помолвке с Софьей Николаевной Чирковой.

3 февраля он писал своему старинному приятелю А.А. Закревскому: "Проклятые люди, вы меня соблазнили! и я вступил в вашу шайку... вчера сговорил <...> Боюсь только, чтоб ты не принял это в шутку, прилагаю билет"²¹. Комический ужас, звучащий в письме, конечно, поза. Давыдов уже давно думал о женитьбе и семье – ему было тогда 34 года, – но семейная жизнь резко контрастировала с тем образом убежденного холостяка, повесы и кутилы-гусара, который Давыдов создавал в своих стихах и который в читательском сознании прочно наложился на его реальную личность. Поэтому свадьба Давыдова оживленно обсуждалась в дружеской переписке и известия о новом его положении почти всегда сочетались с легким подтруниванием. Первые письма, впрочем, были весьма сочувственны. А.И. Тургенев уже 12 февраля сообщает новость Вяземскому, и почти одновременно о ней пишет Вяземскому В.Л. Пушкин: "Денис Давыдов женится на Чирковой. Она мила – и у нее 1000 душ. Я радуюсь за нее и за него"²². Свадьба состоялась 13 апреля²³, а 23 апреля В.Л. Пушкин сообщает Вяземскому: "Денис Давыдов разъезжает с своею молодою женою в четвероместной карете и кажется важен и счастлив"²⁴.

На протяжении ближайших лет тема женитьбы Давыдова продолжает обсуждаться в дружеском кругу, приобретая новые акценты: высказывается опасение, что она означает конец его поэтического творчества. 22 августа 1829 г. М.Ф. Орлов пишет Вяземскому из Киева: "Денис наш женат, и его женатого я уже видел и смеялся над ним. <...> Но он счастлив. Любит и любим. Чего же больше?". 28 февраля 1820 г. он отвечает на вопрос Вяземского, "что делает Денис в когтях у Гименея": "Еще не кряхтит, а нежится. Ему кажется странно быть счастливым. Он греется под подолом. Ничего не пишет, живет в Москве и ожидает наследника или наследницу"²⁵. Через год с лишним, 25 апреля 1821 г., Вяземский передает А.И. Тургеневу шутку Ф. Толстого: "Денис Давыдов, по выражению Американца, вышел замуж и потерял для друзей"²⁶. О своем неизбежном отказе от поэзии Давыдов сам говорил М.П. Погодину в январе 1822 г.: "...Теперь я в пристани, на якоре. Теперь не до стихов!"²⁷. Вся эта литературно-бытовая проблематика проецировалась в послании А.Ф. Воейкова "Давыдову", написанном в 1820 г. (дата при первой публикации – "1820, августа 24. Петербург") и напечатанном в 1821 г. в "Сыне отечества":

Давыдов, витязь и певец
Вина, любви и славы!
Я слышу, что твои совсем
Переменились нравы:

Что ты шампанское не пьешь,
А пьешь простую воду
И что на розовую цепь
Ты променял свободу...

Весь опоэтизированный Давыдовым быт холостой гусарской вольницы, вплоть до любовных проказ и интеллектуального либертинажа, подвергается теперь ревизии во имя "тихого блаженства" семейной жизни и торжества строгой морали. Из прежних поэтических увлечений поэта-гусара сохраняется, говорит Воейков, "один певец Русланов" – да и тот "тихонько кроется в углу, Загорожен Бюффоном"; "Гервасияду" и "Буянова" сменили Руссо, Фенелон и Кампе. За безусловным, по крайней мере внешне, одобрением подобной метаморфозы едва ли не скрывается ироническая ужимка, столь свойственная Воейкову. Закоренелый в "грехах" усвоил науку:

Не у прелестниц записных
На лоне сладострастья,
Но в целомудренной любви
Искать прямого счастья²⁸.

Пушкин, вероятно, знал это послание, когда в 1821 г. начал вторично набрасывать свое стихотворное обращение к Давыдову – "Певец-гусар, ты пел биваки...". Он воскресал в нем тот образ поэта, который последовательно создавал сам Давыдов, и почти демонстративно обходил темы, подхваченные и вульгаризованные Воейковым. Но в феврале 1819 г., к которому относятся первые строки ненаписанного послания, эти темы еще не определились. Пушкин находился под впечатлением первого знакомства с Давыдовым и неожиданных известий о его свадьбе. Они-то, по нашему мнению, и дали первый импульс замыслу. Как Пушкин намеревался развить его, и мог ли он вообще что-то сделать на представлявшемся ему материале, – об этом судить мы не можем. Мы лишь утверждаем, что и по углу зрения на события, и по самой системе ценностей послание должно было резко отличаться от дидактической эпиталамы Воейкова.

* * *

Обозревая и обобщая проблему "Пушкин и Карамзин", С.О. Шмидт обращал особое внимание на скрытые и нередко ускользающие от исследования косвенные связи Пушкина с наследием Карамзина. Призывая к тщательному выявлению и конкретному изучению этих связей, он предполагал, что их след может обнаружиться в "других явлениях жизни и творчества Пушкина"²⁹. Предлагаемый этюд касается именно "других явлений", он не имеет отношения к Карамзину; но на его периферии вдруг, подобно "великанам сумрака", обрисовалась тень "Истории государства Российского" – словно специально для того, чтобы подтвердить научное предвидение ученого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. II. С. 466 (под ред. заглавием “Денису Давыдову”); там же. С. 1184; Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М.А. Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 175; Автограф – ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 829. Л. 69.
- 2 *Фомичев С.А.* Новые тексты стихотворений А.С. Пушкина. СПб., 1996. С. 24–25. (Сер. “Неизданный Пушкин”. Вып. 1.)
- 3 *Давыдов Д.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1933. С. 283. (Коммент. В.Н. Орлова.)
- 4 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 478.
- 5 См.: *Пушкин А.С.* Стихотворения лицейских лет. 1813–1817. СПб., 1994. С. 574.
- 6 *Давыдов Д.* Стихотворения. Л., 1984. С. 56, 76.
- 7 *Жуковский В.А.* Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 135.
- 8 *Цявловская Т.Г.* О работе над Летописью жизни и творчества Пушкина // Пушкин: Исслед. и матер. / Тр. III Всесоюзн. Пушкинской конф. М.; Л., 1953. С. 364.
- 9 Санкт-Петербургские ведомости. 1816. № 89. Приб. С. 894. (о приезде его между 1 и 5 нояб.). Весь январь 1817 г. Давыдов провел в Киеве (письмо А.А. Закревскому от 4 февраля 1817 г. – РГИА. Ф. 660. Оп. 1. № 107. Л. 36).
- 10 Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 123.
- 11 Свод этих материалов – в нашем комментарии к стихотворению в кн.: Арзамас: Сб.: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 551.
- 12 Здесь и далее мы цитируем первую редакцию послания, которую читал Давыдов. См.: Арзамас. Кн. 2. С. 335–336.
- 15 *Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе / Подгот. И.М. Семенко. М., 1977. С. 378.
- 14 См. комментарий Л.Н. Майкова: *Батюшков К.Н.* Сочинения. СПб., 1887. Т. 1. С. 419.
- 15 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 13.
- 16 Там же. С. 15.
- 17 Старина и новизна. Пг., 1917. Кн. 22. С. 26.
- 18 *Эйдельман Н.Я.* Карамзин и Пушкин: Из истории взаимоотношений // Пушкин: Исслед. и матер. Л., 1986. Т. XII. С. 299–304.
- 19 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. II, кн. 2. С. 1035.
- 20 Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 169, 651–652.
- 21 РГИА. Ф. 660. Оп. 1. № 107. Л. 46.
- 22 *Пушкин В.Л.* Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 244.
- 23 Письмо Давыдова Закревскому от 17 апреля 1819 г. // РГИА. Ф. 660. Оп. 1. № 107. Л. 54.
- 24 *Михайлова Н.И.* Письма В.Л. Пушкина к П.А. Вяземскому // Пушкин: Исслед. и матер. Л., 1983. Т. XI. С. 244–245.
- 25 *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма / Подгот. С.Я. Боровой и М.И. Гиллельсон. М., 1963. С. 217–218.
- 26 Переписка А.И. Тургенева с кн. П.А. Вяземским. Пг., 1921. (Архив бр. Тургеневых, вып. 6.) С. 10.
- 27 Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19–20. С. 68.
- 28 *Давыдов Д.* Полн. собр. стихотворений. С. 175–177. (Впервые – Сын отечества. 1821. № 11.)
- 29 *Шмидт С.О.* Пушкин и Карамзин // Николай Михайлович Карамзин. Юбилей 1991 года: Сб. научн. тр. М., 1992. С. 73.

Н.И. Михайлова

“ШУТ ПЕЧАЛЬНЫЙ”

(ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К “ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ”)

Высокоцитируемому Сигурду Оттовичу Шмидту, отдавшему дань и изучению московской пушкинской темы, быть может, покажется небезынтересным наблюдение, связанное с московской седьмой главой романа “Евгений Онегин”.

Речь пойдет об одном из персонажей московской жизни, чье имя не названо Пушкиным, но который, на наш взгляд, достаточно узнаваем. Это московский стихотворец, обративший свое благосклонное внимание на провинциалку Татьяну Ларину:

Один какой-то шут печальный
Ее находит идеальной
И, прислонившись у дверей,
Элегию готовит ей¹.

Приведенные строки перекликаются с эпиграммой, сочиненной Пушкиным совместно с Е.А. Баратынским, где, в отличие от стихотворного романа, адресат назван по имени:

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал... (III, 484)

Заметим, что эпиграмма датируется 15 мая 1827 г. Работа над седьмой главой “Евгения Онегина”, в которой отразились впечатления Пушкина от встречи с Москвой и москвичами (и в частности – с П.И. Шаликовым) после возвращения из ссылки, начата весной 1827 г.² Черновик интересующей нас строфы был написан в рабочей тетради № 836, л. 30 об., по-видимому, как и другие московские фрагменты седьмой главы, в августе–сентябре 1827 г.³

Итак, “шут печальный”, сочиняющий Татьяне элегию, и “газетчик печальный”, читающий элегию в кругу своей семьи, – скорее всего одно и то же лицо. Можно с большой степенью вероятности предположить, что в “Евгении Онегине”, как и в эпиграмме, запечатлен князь Петр Иванович Шаликов, автор чувствительных стихов и прозы, редактор “Московских ведомостей”, издатель “Дамского журнала”, дамский угодник, своего рода достопримечательность Москвы пушкинского времени. Черновые варианты рассматриваемой строфы “Евгения Онегина”, которые могут быть про-

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И КРАЕВЕДЕНИЕ
В КУЛЬТУРЕ
РОССИИ**

Москва

2000